

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-356-372>

EDN: MJFMPP

Научная статья / Research article

Роль Коммунистического университета трудящихся Востока в подготовке управленцев для автономий РСФСР в 1920-е годы

Дина Ахметжановна Аманжолова

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

✉ amanzholova19@mail.ru

Аннотация: Исследуется деятельность Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) на начальном этапе его становления и развития как ведущего партийного вуза. Целью статьи является анализ организации учебного и воспитательного процесса, содержания и особенностей общеобразовательной подготовки партийной номенклатуры национальных регионов крупнейшей союзной республики – РСФСР. На основе вновь выявленных документов и материалов освещаются проблемы набора студентов, их национальный состав в 1920-е гг., подходы сотрудников вуза к определению содержания и методов обучения с учетом уровня подготовки направленных на обучение представителей разных национальностей. Установлено, что сложности работы КУТВ были также связаны с необходимостью принятия существенных мер по оздоровлению, организации быта и повседневной жизни студентов. Показан вклад вуза в социализацию выходцев из разных этнокультурных регионов, их обеспечение, питание, воспитание. Делается вывод о существенном вкладе КУТВ в качестве ключевого звена партийного образования в обеспечение коренизации и насыщение системы управления подготовленными специалистами, а также формирование этноэлиты как важного субъекта нациестроительства и советских преобразований.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН FMGR-2025-0005 (№ 1022062100108-9 «Народы России: межэтнические проблемы и этносоциальное развитие»).

Ключевые слова: партийная номенклатура, национальные регионы, этнополитическая элита, этноэлиты, коренизация, учебный процесс

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Аманжолова Д.А. Роль Коммунистического университета трудящихся Востока в подготовке управленцев для автономий РСФСР в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 356–372. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-356-372> EDN: MJFMPP

Role of the Communist University of Workers of the East in Training Managers for the RSFSR Autonomous Regions during the 1920s

Dina A. Amanzholova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia

✉ amanzholova19@mail.ru

Abstract: The author examines the activities of the Communist University of Workers of the East (KUTV) at the initial stage of its establishment and development as a leading party university. The purpose of the article is to analyze the organization of the educational process, the content and features of

© Аманжолова Д.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

the general education of the party nomenclature of the national regions of the largest Union republic – the RSFSR. Based on the newly identified documents and materials, the author highlights the problems of student admission, their national composition in the 1920s, and the approaches of the university staff to determining the content and methods of education, taking into account the level of training of representatives of different nationalities. Through their research, they found that the difficulties of the KUTV work were also associated with the need to take significant measures for improving students' health and organization of everyday life. They also show the contribution of the university to the socialization of people from different ethnocultural regions, and their provision, nutrition, and education. Their conclusion is that the KUTV was a key link of party education in ensuring indigenization and provision of the management system with trained specialists, as well as the formation of ethnic elite is an important subject in to nation-building and Soviet transformations.

Funding: The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation for the Institute of Russian Studies of the Russian Academy of Sciences FMGR-2025-0005 (No. 1022062100108-9 “Peoples of Russia: Interethnic Problems and Ethnosocial Development”).

Keywords: party nomenclature, national regions, ethnopolitical elite, ethnoelites, indigenization, educational process

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Amanzholova, D.A. “Role of the Communist University of Workers of the East in Training Managers for the RSFSR Autonomous Regions during the 1920s.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 356–372 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-356-372> EDN: MJFMPP

Введение

Актуальность. Перипетии становления этнополитической элиты РСФСР в 1920-е гг. связаны с многослойным содержанием советского опыта модернизации, а ее позиционирование на разных этапах этого процесса являлось частью социальной реструктуризации и адаптации традиционных обществ в новом административно-территориальном и политическом пространстве. Повторяющийся в литературе тезис о вынужденных действиях большевиков по рекрутированию лояльных власти представителей традиционной элиты, коренизации и беспримечном контроле центра над всеми группами и поколениями национальных лидеров и обществ стоит дополнить исследованием источников пополнения, организации и существа подготовки национальных кадров для руководства самоопределившимися автономиями. Это позволяет уточнить содержание и особенности процесса формирования партийной номенклатуры национальных регионов крупнейшей союзной республики – РСФСР, значение партийного образования для становления системы управления в республике, роль этноэлиты как субъекта нациестроительства и советских преобразований.

Советская национальная политика предполагала устройство новой системы власти и управления с предоставлением трудовому титульному населению всех возможностей участия в ней, но основной состав национальной элиты в раннесоветский период отличался пестротой в образовательной и политической подготовке, социальном происхождении. Крайний дефицит образованных и подготовленных кадров побуждал власть к активной инкорпорации в советские и партийные структуры на местах тех представителей титульного населения, которые проявили приверженность программе большевиков, признали их победу в военно-политическом противостоянии и проявили готовность участвовать в управлении, при этом не обязательно имея пролетарское/бедняцкое происхождение. Их оказалось явно недостаточно, что обусловило политику коренизации за счет выходцев из числа рабочих и бедноты, которые остро нуждались в общем образовании и идейно-политической подготовке. Эту задачу, наряду с другими партийными учебными заведениями, решал Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), работавший в 1921–1938 гг.

Степень изученности проблемы. История Коммунистического университета трудящихся Востока в СССР рассматривалась в парадигме господствовавшей версии

нациестроительства, включая основные факты и события из истории партийного образования¹. В настоящее время обращение к истории КУТВ связано с потребностью в новом осмыслении и дополнении уникального советского опыта в подготовке кадров для этнополитической элиты СССР и государств, которые ныне называют Глобальным Югом. Основное внимание в историографии уделяется общей характеристике организации, ее структуры, этапам становления, особенностям работы вуза и его преподавательского состава, роли КУТВ в подготовке кадров под руководством Коминтерна для стран Азии и Африки². Определенные сведения об истории подготовки национальных кадров и их роли в нациестроительстве можно почерпнуть из исследований, посвященных советскому нациестроительству, процессам коренизации, участию СССР в подготовке кадров для других стран³.

В то же время обучение работников, многие из которых вошли в состав национальной элиты союзных республик и автономий РСФСР и СССР, в стенах КУТВ показана фрагментарно. Так, Р.Ш. Харунов осветил подготовку кадров для Тувы на курсах хошунных⁴ работников. Он делает вывод о том, что почти все 200 выпускников стали партийной элитой Тувы, а к середине 1930-х гг. заняли руководящие посты в республике⁵. Е.П. Мамышева выявила некоторые сведения о четырех студентах-хакасах и справедливо отметила трудности с установлением точного числа студентов той или иной национальности, а также с изучением их личных дел⁶. Некоторые сведения об обучении в КУТВ казахских студентов нашли отражение в публикации М. Амандосова и А. Венцель⁷. Роль партийных учебных заведений в подготовке национальных кадров освещается также на примере других регионов⁸.

¹ *Леонова Л.С.* Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях. 1917–1975. М., 1979. EDN: MSGHJH; *Соловей В.Д.* Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20–30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С. 87–98; *Метель О.В.* Социалистическая академия общественных наук: очерк истории (1918–1919 гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 1. С. 184–191. <https://doi.org/10.24147/2312-1300.2017.1.184-191> EDN: YJJYIF

² *Панин Е.В.* Коммунистический университет трудящихся Востока // Известия МГТУ «МАМИ». Серия 6. Гуманитарные науки. 2013. Т. 2. № 4. С. 201–206. EDN: SMLJNB; *Шапкова О.А., Шнаковская М.А.* Коммунистический университет трудящихся Востока: создание и этапы становления в системе Коминтерна в 1920–1930-е гг. // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 704–716. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-704-716> EDN: XZFGYH; *Даудов А.Х., Мамышева Е.П.* Коммунистический университет трудящихся Востока. 1921–1938 гг.: взгляд через сто лет // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 2. С. 372–384. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.207> EDN: WWJMTN

³ *Аманжолова Д.А.* Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 30–40. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40> EDN: LOTKCK; *Стеблянская А.Н., Васиев М.П.* Влияние советских специалистов на становление высшего образования в КНР на примере Северо-восточного сельскохозяйственного университета // Вестник РУДН. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 643–660. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-643-660> EDN: MHPQRI

⁴ Хошун — административная единица, аналог района.

⁵ *Харунов Р.Ш.* Подготовка специалистов для Тувы на курсах хошунных работников в Коммунистическом университете трудящихся Востока (1929–1933 гг.) // Вестник Тувинского государственного университета. 2013. № 1. С. 58–61.

⁶ *Мамышева Е.П.* История Хакасии в лицах: выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока (1921–1936 гг.) (К постановке проблемы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5. Ч. 2. С. 61–64. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-5/2-61-64> EDN: UHMCSP

⁷ *Amandosova M., Ventsel A.* Preparation and Selection of Kazakh students in the Communist University of the Workers of the East // KazNU Bulletin: Kazakh studies. 2024. Т. 112. № 1. P. 128–137.

⁸ *Иванцов И.Г.* Система партийного образования в СССР в 1930-е годы (на примере Северного Кавказа) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 4. С. 99–105; *Турфанов Е.В., Кравченко И.Н.* Партийное образование как элемент становления национальной партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // Научная мысль Кавказа. 2018. № 1. С. 34–39. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-93-1-34-39> EDN: YWNUEZ

Цель исследования – на основе новых источников об организации учебной и воспитательной работы КУТВ, главным образом, неопубликованных, раскрыть специфику и характер организации учебно-воспитательной деятельности в годы становления вуза, его вклад в реструктуризацию социального пространства политической власти и становление этнополитической элиты РСФСР.

Источниковая база. Основным источником послужили архивные материалы, ранее не вводившиеся в научный оборот (отчеты, докладные записки, протоколы заседаний руководящих и учебно-методических структур Коммунистического университета трудящихся Востока и другие материалы), выявленные в фонде Коминтерна (Ф. 532) Российского государственного архива социально-политической истории. В круг источников входят также публицистические издания, периодика и справочные материалы 1920-х гг.

Организационное становление университета и национальный состав студентов

В ноябре 1921 г. ЦК РКП(б) признал необходимость специальной подготовки партийных кадров для всех отраслей «работы, которые были бы основательно знакомы с теорией и практикой коммунизма»⁹. С этой целью и также для оказания помощи Коминтерну в продвижении коммунистических идей в странах Востока был создан Коммунистический университет трудящихся Востока.

КУТВ подчинялся Наркомнацу, после его упразднения – ВЦИК РСФСР, который в 1922 г. утвердил устав университета, определявший, что вуз «находится под идейным руководством ЦК РКП(б), prepares трудящихся восточных, договорных, союзных и автономных советских республик, автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств для работы в области теории и практики коммунизма»¹⁰. В 1927 г. был утвержден новый устав КУТВ, по которому бюджетное учебное заведение финансировалось ЦИК СССР и имело право на специальные средства от издательской деятельности, доходов трудовых коммун и университетских хозяйств в деревне¹¹. В 1922/23 г. в КУТВ работали подготовительное отделение, 1 и 2 курсы трехгодичного цикла. Был также подготовлен выпуск лекторской группы по естествознанию, осуществлен новый набор. В 1923 г. открывался естественно-педагогический факультет университетского типа. Советский сектор с учетом уровня подготовки студентов состоял из основной и лекторской (по общественным наукам и естествознанию) групп, созданных в 1921–1922 гг., а с 1926 г. – также инструкторской и семинарской¹². КУТВ имел лаборатории, кабинеты общественных наук и естественнонаучный, по истории техники, институт научных изысканий по биологии, кроме того библиотеки, клуб, структуры, занимавшиеся научно-исследовательской работой, издательство, комиссию по руководству практической работой студентов вне стен университета и внутриуниверситетские общественные организации студентов и сотрудников, а также лазарет¹³.

⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 453.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 5. Д. 8. Л. 1.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–6.

¹² Там же. Д. 11. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 5. Л. 2.

В начале 1922 г. из 407 оставленных и переведенных на другие курсы на 2-годичных курсах обучалось 222 чел., на годичных – 127 чел., в лекторской группе – 14 чел. В их числе были представлены аварцы, кашгарцы, таджики, мингрелы, телеуты, литовцы, дагестанцы, французы (по одному человеку); индусы, казикаумыки и украинцы (по два человека); карачаевцы, ингуши, вотяки, туркмены, калмыки (по три человека). Представителей мордвы было 4 чел., по 5 чел. – лезгины, грузины, чеченцы, буряты; по 6 – крымские татары, таранчи, карелы. Также учились по 7 азербайджанцев, турок, чувашей, балкарцев, по 8 – марийцы, китайцы, абхазы. Зырян было 10 чел., узбеков и тюрок – по 11, башкир и евреев – по 13, русских и киргиз – по 14, корейцев и персов – по 16, а также 25 армян, 35 осетин, 97 татар. В целом 7 чел. были неграмотны, с домашним и самообразованием – 47 мужчин и 6 женщин, с начальным – 219 и 21 соответственно, неполное среднее образование имели 66 чел., неполное высшее – 6, высшее – 6 мужчин и 1 женщина. Всего мужчин среди студентов насчитывалось 454 (в т.ч. 389 холостых), женщин – 80 (в т.ч. 49 незамужних и 3 вдовы) в возрасте от 16 до 36 лет¹⁴.

Данные о численности обучавшихся разнятся, видимо, из-за отсева слабо подготовленных. На курсах естествознания в 1922 г. обучались 59 слушателей. Инструкторскую школу КУТВ окончили 82 чел. Всего в декабре 1922 г. в КУТВ было 672 студента¹⁵. Часть поступавших, «имея на то безусловное право», не получили даже минимума предварительной подготовки в партшколе, как указывалось в одном из отчетов. Вместе с тем «многонациональность не повела ни к каким конфликтам на национальной почве», хотя и осложняла работу из-за разности в уровне образования и проблем с кадрами преподавателей. Отмечалась и «колоссальная работоспособность студентов». Из 476 закончили курс 375 чел., при этом все они были оставлены на следующие курсы, поскольку считалось, что из них получатся «хорошие работники»¹⁶. Потребность в расширении подготовки партийных кадров и организации единой образовательной системы обусловила создание в 1923 г. отделений КУТВ в Ташкенте, Баку, Иркутске, Саратове и на Северном Кавказе с менее сложной программой обучения, всего таких отделений было 17¹⁷.

На 1 февраля 1924 г. в КУТВ обучались 857 мужчин и 153 женщины в возрасте от 17 лет (11 чел.) до 31 и старше (47 чел.). Уровень подготовки, социальный и партийный состав были различны. Среди коммунистов дореволюционный стаж имел 1 чел., членов партии с 1917 г. было 3 чел., с 1918 г. – 19 чел., 1919 г. – 42 чел., с 1920 г. – 101 чел. При этом совпартшколы окончили 410 чел., никакой общеобразовательной подготовки не имели 550 чел. 308 чел. значились как имевшие низшее образование, прочих было 152 чел. На русском языке не имели никакой подготовки 426 чел., на низшим уровне – 514 чел., прочих насчитывалось 70 чел.¹⁸

На 1924 г. среди студентов были представлены практически все народы РСФСР и ряда союзных республик (табл. 1).

Основная группа студентов набиралась для подготовки работников волостного и уездного масштабов. Инструкторская группа с политико-просветительным, экономическим и административно-правовым циклами предметов готовила кадры для наркоматов, совнархозов и других структур управления народным хозяйством. Лек-

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 2. Л. 7, 9.

¹⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 60. Д. 237. Л. 11–25.

¹⁶ Там же. Ф. 532. Оп. 8. Д. 2. Л. 1–2.

¹⁷ Там же. Оп. 11. Д. 12. Л. 2.

¹⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 34. Д. 425. Л. 18.

торская группа обучала студентов для работы в советско-партийных школах восточных регионов СССР. В начальный период в КУТВ, как и в других учебных заведениях, значительное место занимали вопросы набора обучающихся, организации учебного процесса и создания материально-бытовых условий для студентов. От 6–7-месячного обучения вскоре перешли к трехлетнему, а с 1929 г. – к 4-летнему. По окончании обучения была введена процедура защиты дипломных работ. КУТВ стал заниматься и подготовкой кадров для вузов. С этой целью с 1927 г. действовала аспирантура на философском, экономическом, историко-партийном и историческом отделениях. Принципы национального равенства и классового подхода были решающими, но придерживаться их оказалось затруднительно.

Таблица 1

Состав студентов Коммунистического университета трудящихся Востока на 1924 г. по регионам

	Мужчин	Женщин
Северный Кавказ		
Чеченцы	31	
Карачаевцы	18	1
Кабардинцы	18	1
Осетины	27	8
Аварцы	12	1
Лезгины	12	1
Абазины	2	
Мингрельцы	2	
Балкарцы	15	3
Даргинцы	1	
Ногайцы	3	
Караногайцы	1	
Казикумыки		1
Кумыки	5	
Лакцы	2	
Черкесы	13	
Закавказье		
Аджарцы	5	
Армяне	23	5
Грузины	5	1
Тюрки	22	
Турки	5	2
Средняя Азия		
Дунгане	1	
Каракалпаки	1	
Каракиргизцы	6	
Киргизцы	47	7
Персы	6	
Туркмены	31	3
Узбеки	57	5
Уйгуры	19	
Поволжье		
Башкиры	20	5
Калмыки	14	1
Мари	10	9
Мордва	14	6
Татары	74	27
Чуваши	16	5

Окончание табл. 1

	Мужчин	Женщин
Крым		
Татары	19	7
Северные АО (автономные области)		
Вотяки	10	1
Коми зыряне	10	1
Карелы	3	
Мещеряки	1	
Пермяки	1	
Сибирь		
Алтайцы	8	1
Буряты	52	10
Монголы	10	
Хакасы		1
Якуты	16	
Зарубежные		
	Всего	В т.ч.
	159	Арабы, болгары, греки, корейцы, китайцы, персы, индусы, турки, японцы
Разные		
Евреи	10	5
Поляки	18	17
Русские	18	17
Украинцы		1
Цыгане	1	

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 425. Л. 24.

Примечание: Классификация и этнонимы приводятся по источнику.

Особенности организации учебного процесса

Важно отметить, что поступавшие в коммунистические вузы «не привыкли к систематической умственной работе», у них не было «теоретической подготовки; запас их знаний весьма скудный»¹⁹. В этой связи ставилась задача найти методы для лучшего понимания и усвоения учебной программы. Лекции не могли быть главной формой занятий. В условиях дефицита преподавателей, особенно со знанием восточных языков, а также литературы, учебных и наглядных пособий занятия проводили в кружках.

Уровень грамотности рабочих и крестьян из разной «социально-экономической среды выхода» повсеместно был низким, среди абитуриентов из национальных регионов было крайне мало членов РКП(б) и созданного в 1918 г. Российского коммунистического союза молодежи (комсомола). Система обучения национальных кадров складывалась на основе накапливавшегося опыта из-за малочисленности студентов и дефицита преподавательских кадров для работы на национальных языках. Так, к началу октября 1922 г. из состава организованного поначалу 6-недельного краткосрочного курса был выделен подготовительный курс в 210 чел. С учетом языковой подготовки, в т.ч. по русскому языку, его разделили на 10 кружков: 4 интернациональных, 3 башкиро-узбеко-киргизо-татарских (БУКТ), 1 монгольский, 1 азербайджано-фарсидско-турецкий, 1 туркменский. Позже прибыли 13 аджарцев, но из-за отсутствия преподавателей для обучения на родном языке их распределили по имеющимся кружкам, а часть отправили в Тифлисскую партшколу. 3 кружка т.н. БУКТ были вскоре реформированы,

¹⁹ Рындич А. Четыре года работы совпартшкол // Совпартшколы и комвузы. М.–Л., 1926. С. 6.

причем один распущен (как и монгольский), а из остальных выделены лучшие студенты. В учебный план вошли такие предметы как политэкономия, экономическая география, математика, русский язык, физико-химия, биология, история Запада, история России, введение в востоковедение, история РКП(б), история развития общественных форм, исторический материализм, советское строительство.

На методических совещаниях преподавателей было отмечено, что интерес к учебе рос при использовании данных о местных условиях, о быте и природе в регионах, что подтолкнуло к разработке заданий на лето по сбору материалов на местах и повысило интерес студентов к учебе. Большое значение из-за слабого знания русского языка имели коллективные чтения и экскурсии на Воробьевы горы по биологии, физике и химии, математике (которые, очевидно, подразумевали ознакомление на месте с флорой и фауной, элементарные подсчеты и пр.), беседы и доклады более подготовленных студентов. Хотя по истории развития общественных форм печатные материалы отсутствовали, преподаватели обнаружили у студентов «зачатки понимания исторического процесса». Однако большинство поступивших признавались слабыми, лишь немногие обучались в совпартшколах, но учились добросовестно. Из 329 поступивших осталось 206 чел. Занятия по русскому языку оказались неудачными из-за клубного порядка их организации и загруженности студентов естествознанием и математикой. Лекторский курс слушали 54 чел., которые делились на три группы: основная (25 чел.), экономическая (23 чел.), историческая (6 чел.). В 1922/23 учебном году они закончили курс, и 17 чел. зачислены в штат научных сотрудников, 10 чел. были переведены на третий курс, остальные – откомандированы на работу на места²⁰.

Сотрудникам вуза приходилось непросто, как указывалось в одном из отчетов:

Драки, ругань, воровство были довольно частым явлением. Хотя учение их и привлекало, но редкий из них занимался вне учебных часов²¹.

Высокая посещаемость занятий достигалась за счет строгих мер, вплоть до исключения.

В общежитии не было никакой дисциплины; отдельные студенты постоянно жаловались на полную невозможность заниматься в таких условиях.

Однако спустя полгода произошли разительные перемены. Воспитательная и организационная работа дала свои плоды. Студенческие кружки и группы стали принимать по своей инициативе решения: «Знания нужны отсталым народам Востока и нашей собственной стране», и поскольку «советская власть тратит средства на обучение и содержание», все должны «заниматься прилежно», чтобы скорее поехать на места, посещать без пропуска все занятия, «не позволять кричать и драться в общежитии, чтобы не мешать всем, кто хочет заниматься, мешающих заниматься – предавать суду»; после 24 часов не допускать разговоры, замеченных в воровстве исключать²².

В одном из отчетов отмечалось:

Побывавший уже некоторое время в университете балкарец или туркмен, способный продолжать занятия, представляет собой гораздо большую ценность, как будущий работник, нежели вновь приезжающий с мест, поэтому выросло число оставленных для продолжения учебы и работы студентов. Структура вуза в начальный период была гибкой – наряду с курсами и группами создавались и сектора. Выпуск языкового сектора составил 264 студента, 118 из них было откомандировано, 100 оставлены на краткосрочный курс, другие – на основной и лекторские летние курсы²³.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 11. Л. 4–7, 11, 14, 33, 20, 26.

²¹ Там же. Л. 3–7.

²² Там же. Л. 22.

²³ Там же. Л. 74–75.

Преподавателям удавалось повышать интерес к учебе «вследствие использования данных о местных условиях», на конкретных примерах организации быта и природы. Из-за плохого знания русского языка для освоения учебной программы приходилось использовать коллективное чтение и беседы, более развитые студенты готовили доклады. Идеино-политическая подготовка, связанная с необходимостью освоения не только истории классовой борьбы, но и экономической, философской проблематики, шла с трудом, поскольку требовала развитого абстрактного мышления. На политические науки отводилось 8–12 часов в неделю, остальное время занимали общеобразовательные предметы. Однако в тюркском и азербайджанском секторах курс прошел неудачно, так как рассказывать студентам «о классовой борьбе на Западе» было сложно из-за отсутствия знаний по географии, разрывов в хронологии и примеров по странам, слабой подготовки лекторов, в роли которых часто выступали студенты лекторской группы. Курс политэкономии в тюркском и азербайджанском кружках провалился. Изучение истории РКП(б) прошло более удачно, но выяснилось, что необходимо преподавать историю национальных, в том числе социалистических партий тех регионов, откуда прибыли студенты. Большой интерес они проявляли к истории колониального и национального вопросов, требуя включить его там, где он не предусматривался по программе, а также востоковедению. В так называемом тюркском секторе лекции читал М. Султан-Галиев, но он «далеко не аккуратно» являлся на занятия, и в итоге курс не был закончен («как часто бывает с наркомками, ни тов. Султан-Галиев, ни тов. Гусейнов, несмотря на неоднократные просьбы, не представили ни программы, ни годичного отчета»). Университету требовались преподаватели со знанием узбекского и киргизского (казахского) языков, поскольку студенты были недовольны, что занятия велись на татарском языке²⁴.

Как указывала заведующая основным курсом Ф.И. Драбкина в отчете за 1921/22 учебной год, из 335 студентов, поделенных на высшую группу А и низшую Б, окончили курс 186 чел., 22 перешли на естественно-исторические курсы, остальные выбыли. В низшей группе студенты не имели «навыков умственной работы» и за 2–3 месяца «научились немного работать», чтобы изучать отдельные дисциплины. Для них отдельно преподавались политэкономия, история России, история классовой борьбы, остальные дисциплины изучались вместе с группой А. При этом на историю России вместо 40 учебных часов пришлось выделить 134, на борьбу классов – 112 вместо 40, политэкономия – 118 вместо 50. Востоковедение планировалось изучать в кружках, но «за неимением кружководов» пришлось от них отказаться. «Колониальный вопрос» был «сорван благодаря конфликту тов. Сафарова²⁵ с аудиторией, после которого он отказался продолжать чтение лекций». М. Павлович²⁶ сильно скомкал этот курс, к тому же заменил свои лекции докладами студентов, что вызвало сильное разочарование аудитории. Из-за болезни лектора и отсутствия кружководов сильно сократился курс экономической географии РСФСР. Между тем особенно острый интерес вызывали колониальный, национальный, религиозный вопросы, история собственной страны или народа, изучавшиеся в курсе востоковедения, из истории России – «татарское нашествие» и вообще «все, что близко подходит и объ-

²⁴ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 11. Л. 11, 66–67, 70.

²⁵ Сафаров Г.И. (1891–1942) – член партии с 1908 г., в 1919–1921 гг. работал в Туркестане, содокладчик И.В. Сталина на X съезде РКП(б) по национальному вопросу (1921 г.), в 1922–1924 гг. – зав. Восточным отделом и секретарь Исполкома Коминтерна.

²⁶ Павлович М.П. (Вельтман М.Л., 1871–1927) – член партии с 1898 г., организатор 1 съезда народов Востока (1920 г.), руководитель Всероссийской научной организации востоковедов (с 1921 г.), в 1921–1923 гг. – член коллегии Наркомнаца, один из создателей и ректор Московского института востоковедения.

яняет быт». При нагрузке до 36–40 часов в неделю посещаемость была хорошая, но из-за дефицита литературы студенты занимались вместе, что избавляло от механической зубрежки²⁷. Наибольший интерес проявлялся к истории России; по этому предмету студенты собирались на занятия даже в праздники.

Всего обучение в 1921/22 учебном году окончили 82 чел., в т.ч. 24 татарина, 1 чуваш, 8 армян, 3 вотяка, 2 узбека, 1 пермяк, 2 грузина, 1 азербайджанец, абхазец, француз, лезгин, бурят; 4 башкир, 2 корейца, по 3 осетина и турка, 3 марийца, по 2 киргиза и карела, 5 евреев, 3 русских, 3 зырян и 2 перса. Лекторская группа основного курса была создана 22 августа 1922 г. и объединяла 60 чел., из которых к концу обучения осталось 44, в т.ч. половину составили крестьяне, 13,7 % – рабочие. Неполное высшее имели 4,5 %, среднее – 38,7, неполное среднее – 22,7, начальное – 29,6, домашнее – 4,5. Среди студентов были 8 татар, 3 осетин, 3 корейца, 8 армян, 6 русских и 6 евреев; по 1 чел. турки, грузин, чеченец, мордва, чуваш, карел, бурят, перс²⁸.

В рамках исторической секции в 1921 г. изучались русская история, история Запада, история человеческого общества, история материализма с «вкраплением восточного материала». По истории России «восточников» знакомили с наиболее важными событиями, происходившими до XIX в. В общем курсе русской истории была «полная возможность выявить курсантам процесс закрепощения их родной национальности, развивающимся ходом российского капитализма», но организаторы столкнулись с полным невниманием и непониманием курсантов «из-за сухого изложения» учебного материала, а незнание восточных языков мешало определить качество преподавания. На курсах естествознания училось 30 курсантов КУТВ, 23 командированных и 6 вольных слушателей, в т.ч. 21 татарин, по 3 башкир, лезгин и узбеков, по 2 киргизов, карачаевцев, чечено-ингушей, азербайджанцев, марийцев и чувашей, по 5 осетин и армян, 4 мордвина. Наиболее сильные студенты одновременно занимались в госуниверситете²⁹, Лазаревском институте. В целом же в отчетах констатировался низкий интерес обучающихся к общественно-экономическим предметам, к различного рода экскурсиям, в этой связи предлагалось увеличить длительность курса на три месяца, обращалось внимание на дефицит учебников, приборов, микроскопов и другого оборудования³⁰.

В отчете учебно-вспомогательного отдела университета, призванного «развивать в слушателях КУТВ марксистское миропонимание», отмечалось:

идеология, выраженная в ярких красках и художественных образах, привлекательнее, действует сильнее той, которая воспринимается слушателями в форме строго регламентированных учебных занятий... не должно быть ни одного уголка политико-просветительной работы, не проникнутой марксистским мирозерцанием³¹.

Однако вовлечь в такую работу студенческую многонациональную массу с разными языками, традициями, нормами хозяйства было весьма трудно, и в отделе поставили «весьма интересную, но и весьма трудную» задачу «найти синтез между «мы хотим приобщиться к европейской культуре» и раздававшимися требованиями „не проводить обрусения“». На экскурсиях в итоге побывали 8624 курсанта, в клубах проводились совместные игры, постановки, вечеринки, беседы. Они оказались исклю-

²⁷ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 2. Л. 27, 29.

²⁸ Там же. Л. 35–37.

²⁹ Название отсутствует.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 2. Л. 48, 50.

³¹ Там же. Л. 64–67, 95.

чительно важны, поскольку порой наблюдалось «довольно выраженное проявление национальных настроений». Для их изживания использовались революционные песни, сценки о борьбе за социальную справедливость на местах на национальных языках, которые были «исключительны по своей красочности и оригинальной трактовке политических событий на фоне быта». Но вечерняя клубная работа проводилась не так часто, поскольку много времени у студентов отнимали собрания партийных и комсомольских ячеек. На II Всероссийском съезде совпартшкол в 1923 г. признавалось, что большинство студентов – бывшие рабочие и крестьяне – привыкли мыслить образами, не имели твердо установившегося миросозерцания, не располагали «почти никакими общеобразовательными знаниями и навыками, но революционно настроенные, с большой энергией и стремлением учиться»³².

Степень освоения программы тоже различалась в группах и секторах: тюркская и азербайджанская группы, татары и бакинские рабочие до некоторой степени справлялись с ней, узбеки и азербайджанские крестьяне не могли. Среди самых отсталых оказались горско-дагестанский сектор, осетинская группа, ингуши и чеченцы, карачаево-дагестанцы, балкарцы, киргизы, узбеки, туркмены, фарси. На политические науки для них отводилось по 8–12 часов в неделю, остальное время занимали общеобразовательные предметы.

Однако на тюркском и азербайджанском секторах курс прошел неудачно, так как о классовой борьбе на Западе рассказывать оказалось бесполезно из-за незнания географии, плохой организации содержания курса («скачки по хронологии и странам»), отсутствия хороших лекторов, вместо которых часто работали студенты лекторской группы. Так, по экономической географии в т.ч. преподавали географию республик по важнейшим отраслям народного хозяйства, историческая группа изучала экономическое положение России в конце XVII и начале XIX в., движение декабристов, по истории Запада – промышленный переворот в Англии, историю революционной диктатуры санкюлотов, ее возникновение и падение. Курс политэкономии на этих секторах провалился. Более удачно прошел курс по истории РКП(б), но стало ясно, что нужно преподавать историю «националистических» и национально-социалистических партий регионов выхода студентов, которые требовали ввести курс по колониальному и национальному вопросам в группах, где он не читался, а также по востоковедению. Изучению русского языка руководство считало нужным придать «политическую окраску», отказаться от «преподавателей-гастролеров», а для не знающих русский язык проводить собрания и клубные занятия отдельно³³.

Проблемы досуга, оздоровления и быта студентов

В КУТВ работали кружки по математике, физике, химии, шахматный, драматический, танцевальный, ораторский, газетный кружки, кружок игры на рояле и языковые кружки. Большой интерес вызывали книги: читальня библиотеки работала по 14 часов в сутки. Вскоре были организованы 14 коридорных библиотек под руководством студентов в общежитии, отдельно для каждого курса и в каждой из таких библиотек было по 100–150 книг, в основном учебная литература. К политическим праздникам и съездам проводились книжные выставки. Драмкружок без некой «теоретической работы» быстро подготовил постановку «Суд над горянкой» и провел т.н. комсомольскую пасху, включавшую хоровой революционный репертуар и пьесу «Бог отец, Бог сын и компания», провел серию инсценировок на национальных языках,

³² Рындич А. Четыре года работы совпартшкол... С. 6.

³³ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 11. Л. 65–67, 70, 72, 28–29.

в которых участвовали более 200 курсантов. В инсценировки вошли монгольская пьеса «Власть шаманов», китайская и узбекская антирелигиозные постановки, турецкая коллективная декламация, национальные хоры, частушки и лубок.

КУТВ организовал киносеансы с участием лекторов, а в день Парижской коммуны (18 марта) для студентов университета в театре В. Мейерхольда был поставлен спектакль «За коммуны». В 1-й студии Художественного театра все студенты посмотрели спектакль «Гибель Надежды» по драме голландского писателя Г. Гейерманса, посетили также Большой театр. Сами студенты выступали со спектаклями для рабочих, в том числе для рабочей молодежи³⁴. В партийно-воспитательной работе партийка вела «борьбу с национализмом, индивидуализмом, порой даже антисемитизмом и пр.». Был введен институт партприкрепленных и парторганизаторов. Объявлялись десятидневки по «организованной борьбе с национализмом, нетоварищеским отношением к женщинам-студенткам и пр.», росли «как грибы», коридорные и стенные газеты, а организация коммуны «уничтожала индивидуалистические привычки студентов» и дисциплинировала их. Имелся совет физической и санитарной культуры, культурно-театральный совет, касса взаимопомощи³⁵.

Серьезным препятствием оказалось состояние здоровья поступавших. Его устанавливала специальная медицинская комиссия, по результатам работы которой не все направленные на учебу признавались годными. Ежемесячные медицинские обследования стали важной частью контроля физического состояния студентов на протяжении всего обучения в КУТВ³⁶ и других вузах. В 1920 г. в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова выявили «злостных неврастеников» и болевших цингой. В КУТВ первый семестр 1921/22 учебном году не удалось довести до конца, поскольку 44 % курсантов по итогам осмотра в амбулатории нуждались в немедленном перерыве и отправке на отдых, у остальных констатировались признаки истощения и переутомляемости. Регулярные занятия возобновились лишь 3 февраля, но с марта заболеваемость вновь выросла³⁷. Почти половина курсантов жила поначалу в холодном, тесном изоляторе при плохом освещении, что вызывало неоднократные жалобы³⁸. В 1922 г. медкомиссия КУТВ откомандировала 200 человек «по разным болезням – венерические, туберкулез и др.», часть отправлялась в лечебницы. Лечение постепенно давало результаты, врачи фиксировали: «Сейчас все поправляются, повышается вес»³⁹. При этом в середине 1920-х гг. признавалось, что

несмотря на улучшение состояния здоровья курсантов, почти во всех комвузах довольно высокий процент студентов страдает заболеваниями нервной системы. Нервные заболевания преобладают во всех комвузах; в некоторых <...> количество нервных больных достигает 60 % и выше, при этом у живших в общежитиях студентов она была больше⁴⁰.

На совещании врачей комвузов в 1925 г. констатировалось, что процент нервных заболеваний среди студентов, живших в общежитиях, был значительно выше, чем среди пользовавшихся частными квартирами. Среди причин назывались небрежное отношение к собственному времени и труду, отсутствие систематического отдыха. Предлагалось нормализовать нагрузку и быт, ввести курс гигиены и проводить работу

³⁴ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 11. Л. 44–49.

³⁵ Там же. Д. 12. Л. 43–44, 48.

³⁶ Там же. Оп. 11. Д. 2. Л. 94; Д. 842. Л. 1–4.

³⁷ Там же. Л. 84, 94.

³⁸ Там же. Оп. 8. Д. 2. Л. 53.

³⁹ Там же. Оп. 11. Д. 13. Л. 32–33.

⁴⁰ А.Р. К вопросу о рационализации учебы и быта совпартшкол // Совпартшколы и комвузы. М.–Л., 1926. С. 207, 209.

по санитарному просвещению в клубах, в т.ч. в виде инсценировок, ввести обязательные занятия физкультурой, урегулировать питание и обеспечить каникулярный отдых каждого курсанта не менее одного месяца⁴¹.

Наблюдая ситуацию в КУТВ, доктор А. Маянц замечал, что для представителей 73 национальностей, многие из которых «не владеют русской речью и требуют, от непривычки к московскому климату, особых условий существования», потребовалось создать при КУТВ медико-санитарную организацию. Больше всего было выявлено заболеваний легких и малярией, в связи с чем

эти студенты помещаются в солнечные сухие комнаты, им предоставляется усиленное питание, зимой дается более теплое платье, все они в течение года проводятся через дом отдыха КУТВ'а; они не загружаются чрезмерной работой⁴².

Следует констатировать, что благодаря предпринятым усилиям с этими видами заболеваний удавалось справиться, и в результате отбор перед поступлением стал более основательным. Так, из 515 чел. 62 были признаны негодными к поступлению, часть больных студентов отправлена обратно, проводились систематическая диспансеризация, занятия физкультурой, устанавливалось диетическое и усиленное питание. В доме отдыха за год побывали 409 чел. Но одновременно выросло число нервных заболеваний. Врач связывал их рост с чрезмерной учебной и общественной нагрузкой, плохой организацией быта и «беспрерывной практической работой» летом 1924 г. Он писал:

Студенты живут тесно, в больших комнатах (часто по 10–12 человек); здесь же подчас и курят. В общежитиях шумно. Нет самодисциплины: товарищи зачастую не считаются с желанием другого позаниматься или отдохнуть⁴³.

Занятия физкультурой на воздухе посещали лишь 20 % обучающихся, влажные обтирания по утрам тоже не встречали энтузиазма у прибывших из самых глухих мест молодых людей, с трудом адаптировавшихся к невиданным ими прежде требованиям санитарии и гигиены. На последнем курсе обучения в 1924/25 учебном году совершенно здоровых было лишь 12 %, при этом по сравнению с предыдущим годом в КУТВ была проведена определенная работа. Во время учебы проводилась диспансеризация легочных и малярийных больных, что уменьшило число заболеваний малярией в 4–5 раз; свою роль сыграли занятия физкультурой, специальная диетическая столовая, институт усиленного питания и дом отдыха⁴⁴.

Организацией снабжения и обслуживания студентов и преподавателей в КУТВ занимались основательно, учитывая проблемы обеспечения населения национальных регионов. Так, в Даргинском округе Дагестана в 1927 г. совсем не имели белья 45 % всех женщин, 48 % детей и около 1/3 мужчин; более одной смены, но не более 2–3 имели 17 % детей, 20 % женщин и 39 % мужчин. Мужчин, не имевших верхнего легкого платья (бешмет, рубаха) и надевавших шубу непосредственно на белье, было 20 %. Половина всех детей, 35 % женщин и 9 % мужчин совсем не имели верхней зимней одежды, крайне мало – обувь⁴⁵.

⁴¹ А.Р. К вопросу о рационализации учебы и быта совпартшкол // Совпартшколы и комвузы. М.-Л., 1926. С. 209–210.

⁴² Маянц А. Еще о здоровье комвузовского студенчества // Совпартшколы и комвузы. М.-Л., 1926. С. 222–224

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Мирзабеков М.Я. Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.). Махачкала, 2010. С. 210. EDN: OYMHAV

В 1921 г. нормы и порядок снабжения студентов и служащих Университета трудящихся Востока были приравнены к нормам и порядку снабжения студентов и служащих Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова⁴⁶. Представление о проблемах, с которыми сталкивались сотрудники КУТВ в начальный период его деятельности, дают сведения из отчетов учебного заведения за 1920–1923 гг. В 1921 г. вместо 800 студентов было принято свыше 1000, аудиторий и жилплощади не хватало. Дома, переданные под общежития, были «в катастрофическом состоянии». Административно-хозяйственной части все же удалось обеспечить работу трубопровода и отопление, прачечная обеспечивала 50 пудов стирки в месяц. При вузе открыли амбулатории с приемом студентов и зубным кабинетом, проводились ежемесячные медосмотры и еженедельные дезинфекционные уборки в общежитиях. Из выделенных КУТВ 3 412 549 718 руб. на 1 декабря было израсходовано 2 349 965 619 руб. На эти средства в том числе было приобретено полное обмундирование на 800 студентов (чулки, женские и мужские ботинки, носки, фуфайки, теплые кальсоны, меховые шапки, куртки, фартуки, перчатки, дамские кофточки, юбки, сандалии, рубашки, лыковые лапти, мужские кальсоны, медицинские халаты, замотки, шинели, летние шаровары, зимние шлемы, канцелярские принадлежности, инструменты, оборудование и мебель, посуда). Работали также сапожная и портняжная мастерские, проводилась заготовка дров для отопления помещений. По договору с Центральными банями Москвы студенты посещали их раз в неделю, работали парикмахерские⁴⁷.

В КУТВ работала столовая на 700 чел., при этом норма пайка для студентов и лекторов включала в фунтах (1 фунт – 453,5 грамма): хлеба – 90, сельди – 11,5, сахара – 2, жиров – 2,5, соли – 3, кофе – 0,25, овощей – 30. Для спичек, табака, мыла, крупы, муки нормы не были определены. Студенты получали на руки хлеб, сахар, спички, табак, мыло, остальное шло «в общий котел» по расчету на 1 чел. в золотниках (1 золотник – 4,266 грамма). В отчете за 1921/22 г. отмечалась недисциплинированность студентов «из отсталых окраин, не знающих города», говорилось о том, что в первые дни в столовой они «бросались с жадностью на еду, теперь чувство коллективизма закрепилось». По хлебу и табаку выявился перерасход, а овощи и крупы остались в запасе. Пайки получали 33 % семей обучавшихся и работающих. На день Октябрьской революции 7 ноября 1921 г. администрация закупила «предметы роскоши – 40 в[едер] вина, орехи, рис и консервы». Вместе с неизрасходованными продуктами их направили на совместное празднование. Летом 1922 г. студенты были направлены в подмосковную Малаховку, где сформировалась коммуна, сыгравшая важную роль в адаптации и воспитании студентов. Созданная для организации быта и совместного обучения, как считало руководство, она

освобождает от нэповского влияния улицы, но дает возможность по определенной дороге развивать эту самостоятельность в смысле лучшей организации своего внутреннего быта, лучшего использования своих возможностей, расходования своих средств⁴⁸.

В отчете за 1924 г. отмечалось, что коммуна дисциплинировала и «уничтожала индивидуалистические привычки студентов». Работали ясли на 30 чел., со скидкой закупались книги на разных языках⁴⁹.

⁴⁶ Декреты Советской власти. М., 2009. Т. 18. Август 1921 г. С. 302.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 11. Д. 2. Л. 76–78.

⁴⁸ Там же. Л. 76–78, 82; Там же. Д. 13. Л. 40–42, 47.

⁴⁹ Там же. Д. 12. Л. 48, 50.

Правление коммуны предметно занималось проблемами снабжения студентов. В 1922 г., например, по заявлению студента Иришева о перешивке из шинели брюк и френча и возврате ему собственного пальто со склада университета было решено выдать ему шинель, но гимнастерку и брюки не выдавать, а пальто оставить на складе на хранении. Была удовлетворена просьба двух студентов о проживании в комнатах с женами, другой студентке не разрешили поселиться на частной квартире. Проживавшим на частных квартирах студентам выдавалась государственная стипендия, но они не снабжались дровами, не получали помощи от коммуны КУТВ, если не были ее членами. Трех студентам, заявившим о краже шинелей, были выданы новые, но их стоимость удерживалась из стипендии. Студенту Шамилову коммуна отказалась выдать новые брюки, предложив «починить старые», в то же время Султангазиной без удержания из стипендии была списана украденная шинель и выданы старые валенки на дорогу⁵⁰. Товарищеский суд, правление коммуны и партийная следственная комиссия разбирали происшествия и провинности студентов. В частности, 11 сентября 1922 г. Хамидулла Сайфулин обвинялся в продаже шинели с целью купить другую, более дешевую. Поскольку это оказалось впервые допущенное преступление и было получено чистосердечное признание, ему вынесли общественное порицание. 18 февраля 1923 г. 7 студентов третьего курса не выполнили трудовые наряды и получили выговор, трое из них были оправданы⁵¹. Социализация занимала важное место в работе коллектива КУТВ.

Руководитель Совета по делам нацменьшинств (Совнацмена) РСФСР Г. Гасилов, отмечая энтузиазм национальных кадров, их активность и преданность советской власти, все же называл выпускников комунiversитетов «недоделанными учителями-комсомольцами»⁵². По данным Всесоюзной партпереписи 1927 г. в республиках и краях РСФСР среди служащих-коммунистов – руководителей учреждений, их заместителей и помощников уровень образования по 5-балльной шкале (5 – высшее образование, 3 – среднее, 1 – низшее и домашнее) оценивался в среднем в 1,76 балла; завотделами учреждений, их заместителей и помощников – 1,83 балла; по подотделам и другим звеньям учреждений – 1,53 балла; инструкторов и инспекторов – 1,71 балла⁵³.

По решению Секретариата ЦК ВКП(б) от 11 мая 1930 г. система комвузов получила бóльшую иерархичность и организованность: специальные отделения должны были готовить партийных и советских работников (вплоть до уровня сельсоветов), пропагандистов, преподавателей средних советско-партийных школ, организаторов народного образования. Широко внедрялось заочное и вечернее обучение. В декабре 1930 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) постановило создать двухгодичные центральные курсы при КУТВ для переподготовки «работников из националов для руководящей партийной работы в национальных областях». Направление на курсы осуществляли местные парторганизации. По завершению обучения выпускники обязаны были вернуться на прежние места. Казахстану было выделено 20 мест, Киргизии и Башкирии – по 15, остальным автономиям, имевшим тюркское население – от 3 до 10 мест. Всего за 1924–1930 гг. КУТВ подготовил 549 советских работников – представителей 54 национальностей. К 1930 г. в университете, на 12 кафедрах (в их числе кафедры экономики советского Востока, истории и парт-

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 13. Л. 13, 16–17, 20.

⁵¹ Там же. Д. 39. Л. 10.

⁵² Просвещение национальностей. 1926–1933 гг. М., 1934. С. 25–26.

⁵³ Коммунисты в составе аппарата госучреждений и общественных организаций. Итоги Всесоюзной партийной переписи 1927 года. М., 1929. С. 12.

строительства на советском Востоке) работали 14 профессоров, 32 научных сотрудника и доцента, 10 ассистентов, обучались 99 аспирантов, представлявшие 80 национальностей страны⁵⁴.

Заключение

Коренизация стала серьезным вызовом для реализации советского проекта, поскольку потребовала больших материально-технических, организационных, финансовых и культурных вложений в создание нового массового слоя управленцев из числа представителей традиционных обществ, которые представляли интересы трудящегося населения. В этом процессе образование и повышение идейно-политического уровня национальных кадров, социально-культурная адаптация выходцев из самых отдаленных регионов страны, благодаря консолидирующей роли государства, особому подходу к организации подготовки партийных кадров в стране приобретали содержательный и поступательный характер как на местах, так и в центральных учебных заведениях. КУТВ не только был институтом продвижения идей мировой революции на Востоке, но и внес важный вклад в обеспечение кадрами автономий РСФСР и других национальных республик. Сведения о специфике организации образовательного и воспитательного процесса, быта и досуга студентов в КУТВ обеспечивают лучшее понимание социокультурных аспектов масштабных преобразований, проводившихся в процессе советского нациестроительства.

Поступила в редакцию / Submitted: 25.01.2026

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.02.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 6.03.2026

References

- Amanzholova, D.A. “Soviet Federal Project and the Collisions of Nation Building in the 1920–1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (2024): 30–40 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40>
- Amandossova, M., and Ventsel, A. “Preparation and Selection of Kazakh students in the Communist University of the Workers of the East.” *KazNU Bulletin: Kazakh studies* 112, no. 1 (2024): 128–137.
- Daudov, A.Kh., and Mamysheva, E.P. “The Communist University of the Toilers of the East. 1921–1938: A Look through a Century.” *Modern History of Russia* 12, no. 2 (2022): 372–384 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.207>
- Ivantsov, I.G. “System of party education in the USSR in the 1930s (Based on the North Caucasus materials).” *Bulletin of the Adyghe state university. Series Region studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political sciences and culture science*, no. 4 (2010): 99–105 (in Russian).
- Kharunov, R.Sh. “The training of specialists for Tuva in courses of “Khoshun” workers in the communist university of the eastern toilers.” *Vestnik of Tuvan State University*, no. 1 (2013): 58–61 (in Russian).
- Leonova, L.S. *Istoricheskii opyt KPSS po podgotovke partiinykh kadrov v partiinykh uchebnykh zavedeniakh. 1917–1975* [Historical experience of the CPSU in training party cadres in party educational institutions. 1917–1975]. Moscow: MGU Publ., 1979 (in Russian).
- Mamysheva, E.P. “History of Khakassia in persons: graduates of the communist university for workers of the east (1921–1938) (problem statement).” *Historical and Social Educational Idea* 7, no. 5 (2015): 61–64 (in Russian), <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-5/2-61-64>

⁵⁴ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн.1. 1918–1933 гг. С. 652–653.

- Mayants, A. “Eshche o zdorov’ye komvuzovskogo studenchestva [More about the health of the communist university students].” In *Sovpartshkoly i komvuzy*, 219–229. Moscow–Leningrad: Государственное издательство Publ., 1926 (in Russian).
- Metel, O.V. “The socialist academy of social sciences: essay of the history (1918–1919).” *Herald of Omsk University. Series Historical Studies*, no. 1 (2017): 184–191 (in Russian), <https://doi.org/10.24147/2312-1300.2017.1.184-191>
- Mirzabekov, M.Ya. *Modernizatsionnye protsessy v kul’ture narodov Dagestana (90-e gody XIX v. – 30-e gody XX v.)* [Modernization processes in the culture of the peoples of Dagestan (1890s–1830s)]. Makhachkala: [N.s.], 2010 (in Russian).
- Panin, E.V. “Communist University of the Toilers of the East.” *Izvestiya MGTU MAMI* 2, no. 4 (2013): 201–206 (in Russian).
- Ryndich, A. “Chetyre goda raboty sovpartshkol [Four Years of Work of Soviet Party Schools].” In *Sovpartshkoly i komvuzy*, 3–15. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel’stvo Publ., 1926 (in Russian).
- Shashkova, O.A., and Shpakovskaya, M.A. “The Communist University of the Toilers of the East (KUTV): Its Establishment under the Comintern in 1920s–30s.” *Herald of an Archivist*, no. 3 (2018): 704–716 (in Russian), <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-704-716>
- Solovey, V.D. “Institut krasnoi professury: podgotovka kadrov istorikov partii v 20–30-e gody [The Institute of Red Professors: Training Party Historians in the 1920s and 1930s].” *Voprosy istorii KPSS*, no. 12 (1990): 87–98 (in Russian).
- Steblyanskaya, A.N., and Vasiev, M.P. “Role of Soviet Specialists in Formation of Higher Education System of the PRC: the Case of Northeast Agricultural University in Harbin.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (2025): 643–660 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-643-660>
- Tufanov, E.V., and Kravchenko, I.N. “Party formation as an element of the formation of the national party-state nomenklatura in the 1920s–1930s (based on materials from the North Caucasus).” *Scientific Thought of Caucasus*, no. 1 (2018): 34–39 (in Russian), <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-93-1-34-39>

Информация об авторе / Information about the author

Дина Ахметжановна Аманжолова, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории, Российская академия наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; amanzholova19@mail.ru; <https://orcid.org/2603-3832-300>; SPIN-код: 5525-3738.

Dina Akhmetzhanovna Amanzholova, Dr. Habil. Hist., Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 19, Dm. Ulyanova Str., Moscow, 117292, Russia; amanzholova19@mail.ru; <https://orcid.org/2603-3832-300>; SPIN-code: 5525-3738.